

В. А. Тихомирова

Отражение этнокультурных различий восприятия текста в баснях

Статья посвящена проблеме отражения в интерпретациях традиционных басен таких культурно-специфических характеристик, как национальный характер, менталитет и языковое сознание.

Ключевые слова: басня, текст, коммуникация, когнитивная база, этнолингвокультурное пространство, лакуна, аксиологическая система, прецедентный текст, ментальность, ментально-лингвальный комплекс, национально маркированные представления, национальный характер.

V. A. Tikhomirova

Reflexion of Ethnocultural Distinctions in Perception of the Text in Fables

This paper is devoted to the problem of reflection in the interpretations of traditional fable plots of such specific cultural features as the national character, mentality and lingual consciousness.

Keywords: a fable, a text, communication, a cognition base, ethnolinguocultural space, lacuna, an axiological system, precedent text, mentality, a mentally lingual complex, nationally marked notions, national character.

Как известно, язык, являясь основным этнодифференцирующим признаком национальной культуры и первоэлементом литературы, определяет национальную принадлежность произведения, созданного на нем. Художественная литература, в свою очередь, имеет множество связей с экономической, политической, общественной и духовной жизнью нации. Национальное своеобразие становится органическим свойством самого литературного творчества потому, что «характеры людей в их национальных особенностях не только выступают объектом художественного познания, но и изображаются с точки зрения писателя, тоже несущего в себе дух своего народа, своей нации» [2, с. 404]. Поэтому различного рода художественные тексты, в том числе и басенные, выступают как идеальный способ фиксации и передачи национально-культурной информации.

Говоря о проблеме отражения национальной специфики в художественном тексте, следует привести точку зрения И. В. Приваловой, которая утверждает, что целостный текстовый отрезок изначально обладает национально-культурной спецификой и обретает ее благодаря национально-культурным особенностям компонирующих его элементов [9, с. 268]. Кроме того, многие исследователи (Рубакин 1929, Кон 1968, Лотман 1970, Барт 1978, Леонтьев 1979, Красных 2003), отмечают, что текст, являясь продуктом определенной исторической эпохи и отражением социокультурных традиций, представляет собой сложный феномен, кото-

рый особым образом воспроизводит некоторый фрагмент действительности, фиксируя национальную специфику языкового сознания и речевого поведения представителей того или иного этноса.

В силу того, что процесс коммуникации – это двусторонний процесс, то есть включает отправителя/автора текста и получателя/адресата, поэтому необходимо учитывать реципиента, который воспринимает обращенный к нему текст. Восприятие текста рассматривается многими учеными как психологический процесс. Его сущность заключается в создании у реципиента образа содержания текста, последний же всегда динамичен [10, с. 21]. Так, Н. А. Рубакин подчеркивал, что процесс смыслового восприятия и оценки текста определяется факторами «расы, среды и момента» [11, с. 75]. При этом отмечается особая важность предшествующего опыта реципиента. Согласно Е. Г. Биевой, восприятие и понимание текста происходит при взаимодействии двух компонентов: 1) семантической организации и смысловой структуры текста и 2) того, что содержится в сознании и памяти воспринимающего индивида и включает уровень его языкового развития и запас знаний о предмете описания [1, с. 67]. По терминологии В. В. Красных, второй компонент называется индивидуальным когнитивным пространством [5, с. 139], «которое является национально-детерминированным и национально-маркированным, так как его “ядром” служит когнитивная база того национально-лингво-культурного сообщества, которое является родным для носите-

ля/носителей данного когнитивного пространства» [6, с. 46].

Под когнитивной базой в данной статье вслед за И. С. Брилевой, Н. П. Вольской и др. понимается «определенным образом структурированная совокупность знаний и национально маркированных и культурно детерминированных представлений, необходимо обязательных для представителей данного сообщества» [13, с. 11]. Значение когнитивной базы и необходимость ее изучения задает определенную систему координат, в которую «вписываются» и сквозь которую воспринимаются и оцениваются все новые порождаемые тексты [5, с. 141]. Национальная специфика, которая отражается в художественном тексте, заключается еще и в том, что текстовый отрезок выстраивается в соответствии с исходными культурно-лингвистическими параметрами этнолингвокультурного пространства, которому принадлежит автор. Любая лингвокультурная общность интерпретирует содержание художественного произведения в соответствии с созданной ею семиотической и аксиологической системами координат. При этом происходит не только языковая, но и ценностная адаптация текстового материала [9, с. 262].

Так, стереотипные басенные тексты, сюжеты которых приписывают легендарному Эзопу, никогда не являлись застывшими и подвергались постоянному варьированию, приспосабливаясь к изменяющимся ситуациям исполнения. Однако, даже в случае существования единого письменного греческого инварианта басенных текстов, каждый раз при переводе на другие языки когнитивная база переводчика, который воспринимал готовые сюжеты, пропускал их через себя и переводил на свой родной язык, непременно проявляла бы себя, и данные тексты подвергались бы своеобразной «национально-культурной» обработке и трансформации. Подтверждением этому может быть мнение И. В. Приваловой, которая пишет, что «отнесение какого-либо текстового произведения к так называемому “межнациональному фонду” не гарантирует тождественности инвариантов его восприятия у представителей различных этнолингвокультур. Национально-культурная специфика предопределяет алгоритм восприятия одного и того же текста и провоцирует формирование различных инвариантов восприятия одного и того же прецедентного текста» [9, с. 256]. Другими словами, национально детерминированные инварианты восприятия прецедентных феноменов объединяют представителей одной этнолингвокультуры и отграничивают их от других [3, с. 127].

Кроме того, специфика басни, которую необходимо принимать во внимание при переводе, состоит также в том, что ее можно рассматривать как «ши-

рокое контекстно-конситуативное коммуникативное окружение, существующее, подразумеваемое или создаваемое автором при желании воздействовать на воспринимающего» [8, с. 267]. Но для того, чтобы оказывать влияние на читателя или слушателя, баснописцы должны были сделать текст семантически приемлемым для понимания. Поэтому национальная специфика при переводе басенного сюжета с одного языка на другой выражалась еще и в том, что каждый раз, воспринимая текст басни, принадлежащей к чужой культуре, баснописцы интерпретировали и впоследствии излагали его в образах и понятиях своей собственной культуры, которая обуславливала их мировоззрение, определяла основное направление творческой деятельности и содержание их произведений. Так, например, интерпретируя басню Ж. де Лафонтена «Дуб и трость», где в строке *"un roiletel puor vous est un pesant fardeau..."* (досл.: «королек для вас тяжлая ноша...») фигурирует птичка «королек», русские баснописцы И. А. Крылов и И. И. Дмитриев заменяют эту позицию «воробьем»:

Сказал он, – воробей, и тот тебе тяжел (Крылов)

Я чаю, для тебя тяжел и воробей (Дмитриев)

Такая замена вполне оправдана. Для русской культуры королек является относительной этнографической лакуной, так как эта птичка не только не входит в список русских фольклорных персонажей, но и мало кто из представителей русскоязычной культуры имеет понятие о том, как она выглядит. Напротив, во французской культуре королек занимает достаточно важное место. С ним связано много поверий, а обычай охоты на него был распространен вплоть до первой половины XIX в.

Следует также указать, что, являясь интерпретациями традиционных басенных сюжетов, басни Ж. де Лафонтена, И. А. Крылова, Ф. Таунсенда и некоторых других сами в дальнейшем стали прецедентными текстами во французской, русской и англоязычной культурах. Д. Б. Гудков отмечает связь прецедентных текстов с аксиологической составляющей этнолингвокультуры: «Корпус прецедентных текстов ... отражает и формирует шкалу целостных ориентаций лингвокультурного сообщества. На основании изучения этих текстов ... можно делать выводы о действиях, поступках, чертах характера и т. п., которые в данном сообществе поощряются/осуждаются» [4, с. 226].

В связи с весьма значительным хронологическим диапазоном рассматриваемого басенного материала (анализу подвергаются такие традиционные басенные сюжеты, как «Ворона и лисица», «Волк и ягненок», «Волк и журавль», «Дуб и трость», «Лягушки,

просящие царя» в интерпретациях различных баснописцев и переводчиков) может возникнуть вопрос о правомерности рассуждений о единстве представляемого ментально-лингвального комплекса, так как в собранных текстах, которые датируются XVII–XX вв., сосуществуют элементы, принадлежащие различным хронологическим периодам и культурам, например: *король, царь, дворянин, вельможа, торговец, крестьянин* и пр. Более того, существует мнение о том, что «если ментальность вычитывается из текстов прошлого, то трудности возрастают, ибо текст – не прямой слепок сознания, между текстом и сознанием всегда есть зазор. Отражая в себе некую весть о творившей его ментальности, текст не в состоянии охватить всей глубины, многослойности, изменчивости и противоречивости живого сознания. Текст – всегда очищенное, упорядоченное, усеченное и измененное сознание, а потому письменный источник – не только ключ к исторической ментальности, но и завеса над ней» [12, с. 199].

В противовес этому можно возразить, что существенные этнокультурные смыслы, или базовые оппозиции культуры, соотносимые с архетипическими представлениями, могут проявляться в художественной литературе на протяжении продолжительного периода времени. В поддержку данной точки зрения может выступать мнение С. В. Лурье о том, что центральная зона культуры формируется на ранних этапах этногенеза и остается неизменной в течение всей жизни этноса. Именно она определяет этническое своеобразие и неповторимость каждой конкретной культуры а значит, и ее носителя – этнос, то есть ту социальную общность, «которой присущи специфические культурные модели, обуславливающие характер активности человека в мире, и которая функционирует в соответствии с особыми закономерностями, направленными на поддержание уникального для каждого общества соотношения культурных моделей внутри общества в течение длительного времени, включая периоды крупных социальных изменений» [7, с. 41].

Необходимо подчеркнуть, что далеко не все так называемые прецедентные феномены фольклора или литературы удастаиваются чести войти в повседневный язык. Использование басен в различных сферах современной социальной жизни, свидетельством чего выступает весомый процент цитируемости, является показателем их востребованности во всех рассматриваемых культурах. Из этого следует, что данные басни отвечают современным требованиям общества, отражая тем самым в себе некоторые его свойства. Хотя типизированные фабульные модели с традиционными героями и обстоятельствами составляют типовую семантику языка басен и выступают определяющими при переводе, каждый

автор, осознанно или нет, наполняет типовую басенную модель новым содержанием, которое эксплицирует специфические национальные, социальные, политические и исторические особенности.

Таким образом, басенные тексты могут выступать иллюстративным материалом для сопоставительного изучения национально-культурной специфики языкового сознания и речевого поведения представителей русской, французской и англоязычной культур.

Библиографический список

1. Биева, Е. Г. К вопросу о факторах, определяющих понимание текста [Текст] / Е. Г. Биева // Уровни текста и методы его лингвистического анализа. – М., 1982. – С. 67–78.
2. Введение в литературоведение [Текст] / под ред. Г. Н. Поспелова. – М.: Высшая школа, 1976. – 422 с.
3. Гудков, Д. Б. Русское культурное пространство и межкультурная коммуникация [Текст] / Д. Б. Гудков, В. В. Красных // Научные доклады филологического факультета МГУ. – Вып. 2. – М., 1998. – С. 124–133.
4. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д. Б. Гудков. – М.: Гнозис, 2003. – 288 с.
5. Красных, В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? [Текст] / В. В. Красных. – М.: ИТДК «Гнозис», 2003. – 375 с.
6. Красных, В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность [Текст] / В. В. Красных. – М.: Диалог – МГУ, 1998. – 352 с.
7. Лурье, С. В. Историческая этнология [Текст] / С. В. Лурье. – М.: Аспект-пресс, 1998. – 445 с.
8. Николаева, Т. М. Типология интонации и аспектное выделение [Текст] / Т. М. Николаева // Экспериментально-фонетический анализ речи: проблемы и методы. – Л., 1989. – С. 113–122.
9. Привалова, И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации) [Текст] / И. В. Привалова. – М.: Гнозис, 2005. – 472 с.
10. Психолингвистическая и лингвистическая природа текста и особенности его восприятия [Текст] / ред. Ю. А. Жлуктенко, А. А. Леонтьев. – Киев, 1979. – С. 18–26.
11. Рубакин, Н. А. Психология читателя и книги. Краткое введение в библиологическую психологию [Текст] / Н. А. Рубакин. – М., Л.: Госуд. изд-во, 1929. – 308 с.
12. Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья [Текст] – М., 1999. – 327 с.
13. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. 1 [Текст] / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.